

шейный платок, я решил, что ранен, и не бросился на него, как мне того хотелось. Потом я бросился за ним в погоню и звал стражу, но стражники были от нас в полумиле и меня не услышали; только уже добежав до стражников, я догнал его и проткнул ему ягодицы, а потом — сбежал в мясной рынок, где никто не мог меня достать, поскольку это было привилегированное место. Там я прятался до наступления темноты, а потом отправился в свое расположение; той же ночью я побывал у всех товарищей своего противника, и они согласились делиться со мной. Эта доля и доходы с моей школы позволили мне хорошо прожить ту зиму».

«В 1707 году мы перебазировались и встали лагерем в Пунг-Депери. В этот период я неплохо зарабатывал игорным и прочим бизнесом. Был у нас один злобный мальчик из голландской голубой гвардии, это был француз, гасконец, он задибался на всех фехтовальщиков, а мы с ним поссорились из-за дамы, и он тут же вызвал меня на дуэль. Мы встретились за старым рвом, и он показал мне пять могил, в которые уложил своих противников, и сказал, что я стану шестым (вокруг было много народу, как англичан, так и голландцев), если не уступлю даму ему, после чего я уже не мог не драться. Он обнажил шпагу и начертил ею линию со словами, что это будет моя могила. Я ответил, что для меня выйдет коротковато, да и сырости по ночам я не люблю, так что такая могила лучше подойдет ему самому. Мы сошлись в поединке, и он так яростно наступал, что мне пришлось чуть податься, я связал его шпагу и нанес полуукол ему в грудь, но он опередил меня и ранил меня в рот. Мы снова сошлись, теперь я вел себя чуть осторожнее и нанес сопернику удар в корпус, что его очень разозлило. Он смело пошел на меня, некоторые из зрителей стали кричать «Не отступай!», хотел бы я, чтобы они сами оказались на моем месте, и тут я провел ему удар в живот. Он швырнул в меня свою шпагу, я отбил ее, а он опустился на свой плащ и замолк. Я подобрал ножны и отправился в полк, и больше ничего не слышал о своем противнике, кроме того, что все его товарищи были очень рады исчезновению из их жизни этого смутьяна».

«В 1711 году мы снова снялись с места и перешли на равнины Довье, где остановились на несколько дней в ожидании, когда соберется вся наша армия. Затем мы перешли в Левард, что между Довье и Башайном, где простояли несколько недель. Я занимался там своим старым ремеслом, так же как и в Голландии и в Мальборо. Нашлись два голландца, недовольные тем, что я имею свою долю на их территории, и поклявшись прекратить это; они пришли к моему игорному шатру, срезали его, избili моего слугу, а мне послали вызов встретиться с ними на следующее утро. В это время предстоял приезд генерала, и я никак не мог прийти, и мое отсутствие обидело их еще больше. Так что они явились ко мне, когда я лежал в постели, и заявили, что, если я не встану и не пойду драться с ними, меня зарежут прямо здесь и сейчас. Я посоветовал им идти в шатер позади моего жилища и выпить там по стаканчику вина, а я через минутку подойду. Тем временем я послал за товарищем, англичанином по имени Джозеф Борроу, он пришел, и мы вместе явились в шатер, где нас ждали. Я спросил: чего они хотят? Они ответили, что хотят драться перед расположением нашей армии и что взяли с собой фургон, чтобы увезти наши трупы. Хозяин шатра обыскал нас всех перед выходом на предмет огнестрельного оружия, нашел два пистолета у одного из голландцев и один — у второго, а у нас — ничего, и мы отправились на назначенное место перед расположением нашей армии. Голландцы разделись, мы тоже; они дали друг другу выпить, на просьбу дать и нам выпить мы получили отказ, после чего я сошелся со своим соперником, а мой товарищ — со своим. Бой продлился недолго — один из голландцев остался лежать на площадке, второго увезли в приготовленном для нас фургоне. Мы же вернулись в свой лагерь и притихли на день-другой».

«В 1712 году, пребывая в Дюнкерке, я был хозяином школы и неплохо зарабатывал себе на хлеб, но в конце концов я подхватил лихорадку, и полковник отослал меня в Англию с рекомендацией в Колледж Удачи. Через некоторое время я выздоровел, женился, открыл в Лондоне пивную и школу и жил счастливо. Тридцать семь раз я дрался на призовых боях в «Медвежьем саду».